

Опасные
удовольствия

Яна Розова Проклятие Вероники

Яна Розова

Проклятие Вероники

«Автор»

2011

Розова Я.

Проклятие Вероники / Я. Розова — «Автор», 2011

Между Катей Шутьгиной и Женей Клыковым, которого знакомые зовут Джоном, нет ничего общего, кроме того, что муж Кати, преуспевающий архитектор, и бывшая жена Джона, успешная деловая женщина, погибли одинаково. Наполнили ванну, забрались в горячую воду и перерезали себе вены. И оба накануне смерти собрали крупную сумму денег, которая исчезла неизвестно куда...

© Розова Я., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Яна Розова

Проклятие Вероники

Часть I

Катя

Непростительно поздно приходит раскаяние: как же можно, находясь с близким человеком рядом каждый день, не понять, что его гложет нечто самоубийственное? Почему, спрашиваю себя я, почему мне казалось, что он такой, как всегда? А ведь были какие-то признаки изменений, были. Просто я смотрела мимо: в зеркало, в книгу, в распечатки моего журнала, в лица подруг, на сцены, где перед нашими местными богатеями кривлялись наши местные звезды.

И ни разу – в лицо человека, с которым я долгие годы жила, будто за каменной стеной.

Мне все время звонят знакомые. Они спрашивают об одном: “Как ты?” и я говорю, что ничего, могло быть и хуже, а еще у меня есть всякие успокаивающие препараты. И тогда беседа устремляется в безопасное русло: “Ты ж смотри, не увлекайся таблеточками, это плохо и вредно, потом не соскочишь!”. Я говорю, что соскочу, а мне начинают приводить массу примеров о том, как подруга подруги, ты ее знаешь – мы были вместе на дне рождения Светки Стригуновой в “Джазе”, так она после смерти кошки не соскочила...

Беседа длится двадцать минут, и никто не плачет.

Намного хуже, когда я спрашиваю сама у себя: “Катя, ты как?”. Себе я никогда не вру, потому и отвечаю искренне: паршиво. Хуже не бывает. Артем был мне не просто мужем, он был мне другом. А теперь я уже не могу в это верить, потому что друг не скрыл бы от меня нечто такое, из-за чего человек ложится в ванну с горячей водой и режет себе вены.

Я заставляю себя не смотреть на нашу ванну, а просто иду мимо к душевой кабинке и делаю вид, что все нормально. Надо убрать эту штуку из квартиры, а то я с ума сойду. А ведь это не я нашла тело мужа после его самоубийства. Он выждал момент, когда я укатила с подругой на недельку в Турцию и...

Нашел его наш председатель ТСЖ со слесарем и соседкой снизу. Артем не стал закрывать воду, она потекла на пол, а потом – в ванную этой нашей соседки...

Артем не оставил предсмертной записки или какого-нибудь другого объяснения. А ведь знал, что я это ненавижу! Терпеть не могу, когда человек совершает что-то непонятное и делает вид, будто так и надо. К примеру, у меня была такая подруга, которая однажды перестала со мной общаться. Я звонила ей, приезжала к ней, доставала ее до тех пор, пока она не сказала, что не желает меня видеть, потому что я заигрываю с ее парнем. Услышав это, я спокойно развернулась к ней спиной и отчалила восвояси. Никогда я ни с кем не заигрывала, а раз она такое ляпнула, значит, думает обо мне черт знает что. Без такой подруги я обойдусь.

Артем знал, что мне будет не только больно оплакивать его смерть. Он прекрасно представлял себе, как я буду беситься от незнания причин его смерти. Тогда зачем было так делать?

В его домашний компьютер я влезла прямо вчера утром, на следующий после похорон день. Открыла все его документы, почту, все, что нашла. Но никаких намеков на объяснения там не было.

Довольно долго я рассматривала его последние архитектурные проекты – в виде презентаций для заказчиков в чертежах и какой-то хитрой программе, которой я не знаю названия.

Там все выглядит так, будто здание снимается с вертолета, который летит по кругу над домом. Все, придуманное им в последние годы, выглядело очень импозантно, современно, красиво.

Судя по датам документов, Артем в последнее время больше всего занимался частными заказами – домам на нашей городской Рублевке. В основном, они были довольно скучные. Респектабельная классика, привычные формы, спокойные цвета. Ничего такого, что могло бы развеселить душу, вроде упомянутого мной “Джаза”.

Теперича не то, что давеча... “Джаз”, внешне похожий на Музей Гуггенхайма в Бильбао, построенный Фрэнком Гери, Артем нарисовал на листке бумаги за полчаса. Заказчик, местный булочник Ник Сухарев, пришел в полный восторг и через неделю Артем выдал ему готовый проект. Он тут же получил свой гонорар, а еще два года, вместе с Сухаревым месил грязь на стройке, пока развлекательный центр “Джаз” не был полностью построен.

Артем взял на себя и дизайн интерьеров “Джаза”, и последовавшие переделки и ремонты. Авторский надзор – вспомнила, как называл всю эту беготню муж.

На этот проект мой муж угробил столько времени и сил, сколько хватило бы на сотню частных домов, которые он делал в последнее время. А денег заработал в два раза меньше, хоть заказчик и не жадничал. Но, построив “Джаз”, Артем был счастлив. Я помню, как он гордился своей идеей, своим мастерством, полученным результатом.

Теперь же он лепит один за другим эти мешанские домишки, получает свои деньги и не на что не жалуется. Странно, мягко говоря.

Можно найти ему оправдание в том, что просто нет заказчиков, которые были бы способны затеять такое, что затеял Ник Сухарев, но я в это не верю. За последние полгода в городе построили штук пять торговых центров, три ресторана, аквапарк, с десятков многоквартирных жилых домов и много еще всего самого разного. Прошу прощения за свой снобизм, ибо он есть у меня, но замечу, что кое-что из новостроек выглядело не так убого, как обычно в нашем колхозе. Это означает, что заказчики обращались к архитекторам, а имя Артема Шульгина, после “Джаза” было на слуху. Уверена, что к нему приходили люди с заказами. Просто уверена.

А он не брался. Почему?

Ему нужны были деньги.

Джон

– ...ей нужны были деньги, а я не знаю, для чего. Женя, я могу попросить тебя приехать ко мне?

Голос бывшего тестя звучал очень сухо. Сухо, как песок, который высыпашь из берцев на бетон после целого дня в пустыне.

– Да, Алексей Анатольевич, я приду. Когда вам удобно?

Ему было удобно прямо сейчас, в восемь утра.

Мне тоже. Я не люблю откладывать неприятные разговоры. Хотя, с чего я взял, что разговор с отцом моей бывшей жены, которая десять дней назад покончила с собой, будет таким уж неприятным?

Этот разговор будет тяжелым. Для нас обоих, ведь мы оба любили Ксю, хоть и терпеть не могли друг друга. И нас обоих Ксю любила. И нас обоих бросила навсегда. Неделию назад Ксю вскрыла себе вены в ванне с горячей водой.

Я встал с матраса. За пять минут привел себя в порядок. Приводить себя в порядок мне проще простого – волосы у меня, хоть и не редкие, зато длиной в пять миллиметров по всей голове, брился я вчера вечером, потому что надо было с приятелем встретиться в приличном месте. Он заплатил мне за работу – неделю назад я перевозил из Гродина на Украину приличные деньги наликком. Сто тридцать тысяч в евро. Да, непонятная была работа, но у Вась-вася все работы такие. И мне это подходит.

У меня есть план: этим летом прокатиться на трофи-рейд и потом провести месячишко-другой на морях. Я люблю море. А для этого нужны деньги.

Вышел из ванны и оделся. Потом подумал и переоделся. Не то, чтобы мой внешний вид так уж меня занимал, только припереться в дом Алексея Анатольевича в борцовке, камуфляжных штанах и армейских ботинках через три дня после смерти Ксю было бы недипломатично. Он бы тут же вспомнил, что я недаром так одеваюсь – это отражение и выражение моего разгильдяйского мировоззрения. А оно, типа, и стало причиной нашего с Ксю развода.

Вообще-то, думал я, натягивая скромные синие джинсы и футболку бутылочного цвета, мы поженились и развелись по одной и той же причине: Ксю была очень послушной девочкой.

Это просто засада какая-то, насколько послушной была по жизни Ксения Щипунова! Она и меня бы слушалась, если бы я ей разрешил. Мне было ужасно жаль ее, и я хотел, чтобы она хоть иногда взбрыкивала. Но я плохо справился с возложенной на себя миссией. Ксю так и осталась послушной, в чем я убедился, когда она объявила: папа считает, что нам надо развестись.

Прыгнув в свой раздолбанный (прошу заметить – только в плане стиля!) УАЗик, вполне соответствующий моему мировоззрению, я стал соображать, а зачем, собственно, я так уж понадобился Алексею Анатольевичу?..

Идей не было.

В Гродине расцветало лето. Июнь был любимым месяцем года Ксю. Она считала этот месяц романтичным. Говорила, что мы с ней познакомились в июне. Спорить не буду, только познакомились мы в мае.

Это я чудненько помню, потому что в июне того года, когда мы поженились, я путешествовал по Германии. Уехал прямо в тот день, когда в первый раз увидел Ксюшу. Это было так: я ехал откуда-то на своей “Копеечке”, а она проголосовала мне, стоя на остановке под цветущими каштанами. Такая была милая картинка. Брызгал дождик и когда Ксю села в машину, от нее пахло озоном.

А до этого я чуть ее не послал.

Я остановил перед ней машину, и она постучала в стекло. Не попыталась открыть дверь сама, а постучала. Пришлось перегнуться через пассажирское сидение и открыть ей дверь. Но садиться в машину она тоже не стала.

Осторожно так, будто я был вылитый Чикатило, сказала:

– Здравствуйте...

– Ага, – ответил я.

– Простите...

– Прощаю, – сколько можно болтать?

– Вы не к Дому творчества едете?

– Еду.

– Вы не подвезете меня? Сколько это будет стоить?

И тут я уже потянулся к дверце, чтобы закрыть ее перед этой дурочкой. И почему-то не закрыл. Может, просто потому, что она была хорошенькой.

– Это будет дорого, но мы обойдемся номером телефончика.

Выдав эту фразу, я поздно подумал, что она не поймет. Шутки не поймет. Ксю произвела именно такое впечатление. Но она поняла. Улыбнулась мне, как нормальный человек, а не как зануда, и села в машину.

Потом сказала:

– Извините.

Мысленно я плюнул на пол и обложил ее матюгами. Но вслух моя эмоция выразилась иначе:

– Вы убили мою маму? Почему вы извиняетесь?

Она хихикнула.

– Мне кажется, я вас немного рассердила.

– Переживу. Как вас зовут?

И, пока мы ехали до Дома творчества, я решил, что обязательно встречу с ней в ближайшее время.

Но только я переступил порог своей квартиры, как зазвонил телефон. Это была моя хорошая подруга – Эля Гайворонская. Она звала меня в Германию. Автостопом. И я бросился собирать вещи, ибо ехать надо было сегодня вечером. Элькин знакомый на своем дальнобойном грузовике направлялся в Москву за грузом, и согласился довезти нас. Из Москвы мы на самолете полетели в Берлин. У Эльки были деньги на билеты, и мы не стали себе ни в чем отказывать. За обратную дорогу платил я.

Мы прокатились по Германии автостопом целый месяц. Работали на фермах и во всяких забегаловках, ходили по музеям, потому что оба любили музеи. Гуляли по всяким зоопаркам, луна-паркам и другим паркам тоже. Мы много где побывали, много, кого повидали. И столько занимались сексом, что, кажется, стали друг друга слегка раздражать.

До Германии у нас так трижды было. Сначала мы с Элькой придумывали себе маршрут, потом отправлялись в путешествие. И самым важным в поездке был секс. Потом все было очень хорошо. Но, вернувшись домой, мы расставались на полгода, а то и больше. Даже не звонили друг другу. Потом снова как-то встречались и придумывали маршрут.

После Германии мы опять расстались. А через месяц она позвонила и сказала, что выходит замуж. Она собиралась замуж еще до нашего путешествия. Я был ее последним приключением.

Ну, я и позвонил Ксю.

Она сразу вспомнила меня, незабвенного, и согласилась встретиться. Тогда еще было непонятно, что главной чертой Ксю была ее послушность...

Была. Как-то странно вот так себя поправлять. Почему была? Ксю останется со мной навсегда, так же, как осталась и после развода. Жаль, что мы детей не завели. На самом деле, жаль.

Что было после свадьбы не настоять на ребенке? Но нет, я же хотел, чтобы Ксю сама все в своей жизни решала! Я ей сказал тогда: кода ты захочешь ребенка – тогда и родишь. Она послушно согласилась. Знаю, что в это же самое время ее папаша – я не сержусь на него, чест слово! – “посоветовал” с ребенком не спешить. Дескать, твой муж, он же безработный по жизни, он же не прокормит, не поднимет дитяню. Останешься с ребенком одна, будешь куковать! Она и его послушалась.

А чего хотела сама Ксю? Ни он, ни я не знали. Мудаки.

...Возле пятиэтажки, в которой жил Алексей Анатольевич, моего верного коня окружили пацанята лет от пяти, наверное, и до пятнадцати.

– А это у вас “Хаммер”? – спросил один из них.

Я не успел ответить, как мальчишка постарше авторитетно объяснил ему:

– Это УАЗ 31215, только с бампером “риф”. И колеса большие. Кузов под них вырезали?

– Вырезали, – согласился я, опуская тент.

– Мой папа...

Ну, ясно, его папа – местный умелец, и они с папой “прокачивали” УАЗик папиного брата, а еще они... и так далее, и тому подобное! Я еле распрощался с этим умником.

Да, моя тачка привлекает мужское внимание. И будь я лет на двадцать моложе, да другого пола – эх!

У двери тестя я глубоко вздохнул.

Катя

У двери офиса архитектурно-проектной фирмы «Шульгин и К» я глубоко вздохнула.

Мне надо как-то набраться мужества, чтобы не плакать при людях, с которыми Артем столько лет был вместе.

Особенно при Рите. Маргарита Забелина – это не просто зам моего мужа. Я была за Шульгиным замужем пятнадцать лет, а она рядом с Артемом уже все тридцать. Подружка еще со школы, вот так!

Гродин – город маленький.

Знакомы они были еще со школы. Учились в одном классе. А после школы вместе поступили в наш политехнический на архитектурный факультет.

Никогда не пыталась выяснить подробности их отношений, хотя Маргарита Ивановна регулярно делала всякие возбуждающие намеки. Да чего спрашивать? Если что и было – былшем поросло. Для Артема, во всяком случае.

Для Ритки, может, и не поросло. Судите сами: Маргарита не замужем, детей у нее, как и у нас нет, а целый день они сидели с другом детства в одном кабинете. Еще и ездили вместе в командировки, оставались работать чуть не до утра.

Ритка – обычная тетка, ей мужик нужен, семья, а вместо этого у нее только работа и симпатичный, почти родной по жизни, шеф.

Я бы голову дала на отсечение – она все эти годы была тайно влюблена в моего мужа.

“А с чего это ты так уверена, – спросите вы, – что любовь была без взаимности? Неужто, Артем – был святой?”

Хороший вопрос, учитывая, как выглядит Маргарита. Представьте себе секс-бомбу – это и есть наша Маргарита. И, тем не менее, мой ответ такой: да, в этом смысле он был святой. Почему я знаю? Да нипочему, просто знаю.

Большинству моих подруг я никогда бы ничего такого не сказала. Они уверены: все мужики – козлы и все изменяют женам. А если твой муж тебе не изменяет, значит, ты дура, потому что ни черта не видишь вокруг себя.

Я с ними не спорю – они битые жизнью, они даже где-то в чем-то хотят, чтобы и твой муж тебе изменял. Тогда ты будешь такой, как и они. Ведь мужчины понятия не имеют, как это унижительно, когда твой муж идет налево. Им кажется – да что такого? Это просто секс, или просто по пьяни, или охрененная баба, но всего на раз переспать, или... не знаю, что еще.

Пережив это унижение, женщины становятся, словно раненые рысы – из-за боли не отличают своих от чужих. Они тогда и подруг кусают. Я их и не жалею, потому что надо себя в руках держать, даже если больно, но и не осуждаю. Что я – бог?!

К тому же, по голодному виду Маргариты можно было догадаться, что ей ничего, кроме дружеской поддержки и профессионального сотрудничества от Артема не обламывается.

И все равно выходит, что он двух вдов оставил.

Конечно, я десять раз подумала – а стоит ли мне идти к мужу на работу, учитывая, что там сидит Маргарита Ивановна? Мне и так невесело, а тут еще и ее утешать. И все-таки, я пришла. Мне не понравилась сегодняшняя ночь – я ее провела, сидя в кресле возле открытой балконной двери и глядя в ночь, на тусклые городские звезды. Со мной эту ночь провели, но не пережили, пачка сигарет и бутылка сухого мартини. Нетрудно угадать, о чем грезил милая сорокалетняя женщина, потерявшая мужа. Ей мечталось узнать правду о его смерти.

...Рита встретила меня в дверях со слезами на глазах:

– Катенька, мы все осиротели!

– Да, Рита, так и есть, – я осторожно тронула ее за плечо, потому что не люблю слишком приближаться к людям.

Маргарита же, наоборот, хотела человеческого тепла и потому сочла мой осторожный жест приглашением к объятиям.

Мне пришлось ощутить ее запах – кожи, волос и очень приятных дорогих духов. Пришлось положить руки ей на плечи – очень мягкие, тошнотворно мягкие.

Я увидела, что косметики на ее лице нет, а все сорок пять лет так четко прорезались на ее лице, что стало даже страшно.

Весь офис фирмы “Шульгин и К” занимал немного места, зато на последнем этаже самого высокого в Гродине дома. Мне тут редко приходилось бывать. Я делами мужа не интересовалась, а жаль...

Кабинетик Артема, куда Рита проводила меня, был отгорожен от общего пространства стеклянными стенами, на стенах красовались огромные ватманы с его проектами, а все стеллажи были завалены бумажными макетами зданий. В основном, это были его старые проекты, а не те “сиротские приюты” для денежных мешков, которые он строил в последние годы.

Рита налила нам кофе из кофеварки.

– Знаешь, мы с Артемом последнее время мало общались, – она шмыгнула носом, а я достала сигареты. – Он, вроде бы, тут, рядом, но каждый своим делом занимался, и – целый день не говорим. Как же я жалею, что так вышло. Катя, а ты веришь, что это не несчастный случай?

– Это не несчастный случай. Он сам сделал это. Только я не понимаю, почему.

Мы помолчали немного.

– Рита, что-нибудь особенное происходило в последнее время?

– Ну, я же говорю, что мы не разговаривали... – она попивала кофе маленькими глотками, сидя на краешке кресла, сдвинув коленки и опершись о них локтями.

– Он ни с кем не ссорился?

Рита выпрямилась:

– Да, – с легким удивлением ответила она. – Ссорился. С этой, с Овсянниковой.

– Кто она такая? У вас работает?

– Она – дизайнер, – терпеливо, как идиотке, сказала мне Рита.

– И что? – удивилась я. – Артем тоже был дизайнером.

С некоторым даже возмущением посмотрела на меня Рита.

– Ты что! Артем был архитектором. Дизайнеры ни черта не смыслят в том, чем зарабатывают! – безапелляционно рубанула она. – Они же запросто несущую стену могут в квартире вырубить, а потом три этажа дома просядет...

– Я поняла, – мне не очень это было интересно. – Так что с той Овсянниковой?

– Артем построил дом председателю областного суда, должен был заняться дизайном этого дома и еще потом – дизайном зала заседаний в суде. А тут эта Овсянникова! У нее папа – друг председателя суда и заказ на дизайн ей перешел. Артем возмутился: у него договор подписанный, он уже бригаду нанял, материалы какие-то заказал. И вдруг – его вышвыривают из построенного им дома как щенка! Он в своей манере – знаешь, очень ядовито – председателю суда все и высказал прямо в лицо. Там и Овсянникова была.

Мне вдруг стало ясно: я должна узнать о последнем годе жизни Артема Шульгина все.

Джон

Мне вдруг стало ясно: я не должен ссориться с бывшим тестем.

Тесть выглядел нехорошо. Ему было около семидесяти лет, у него был артрит, удалена одна почка. Но теперь это было неважно.

– Заходи, Женя, – приветствовал меня рукопожатием Алексей Анатольевич.

Тесть жил один. Его жена – мать Ксю умерла, когда дочери было лет пят, наверное.

Он пошел впереди меня, указывая мне дорогу, старческой неуверенной походкой.

Его волосы стали совсем седыми, а плечи под бесформенной серой рубашкой опустились под тяжестью горя.

Может, это и хорошо, что у меня нет детей? Не имеешь – не потеряешь.

Его квартира в хрущевском доме была совсем маленькой, но очень аккуратной. Ксю сделала ему тут ремонт. С грустью я узнал так любимые ею бамбуковые обои, керамогранит, напоминающий какой-то там особый африканский сланец, шкафы цвета венге. Очень похоже на все эти интерьерные журналы, только как-то одомашнено...

Мы прошли в крохотную гостиную, сели на плоские, но удобные итальянские диваны, уместили ноги на коровьих шкурах, крашенных под зебру.

Мне стало тоскливо. Черт, нельзя так!

– Хочешь пить? – спросил бывший тесть.

Я помотал головой. Хотелось курить, но тесть не курил и не приветствовал это дело.

– Женя, я думаю, мою дочь убили, – невыразительно сказал он.

– Почему?

– Понимаешь, я последнее время с Ксенией мало виделся. У нее работа, у меня – пенсия. Она звонила, спрашивала, не надо ли чего? А что мне надо? Ничего. Да и дела у меня всегда одни и те же. Хорошо, что проснулся. Вот и все дела.

Он замолчал, его глаза заслезились.

– Алексей Анатольевич, – тихо позвал его я. – Но милиция не сомневается, что Ксю сама сделала это. Так?

Словно очнувшись, он махнул на меня рукой:

– Да что милиция! Мне нужна помощь человека, который бы Ксению знал и понимал. И любил. Ты же ее любил?

Ненавижу такие вопросы!

– Ладно, что ты зубами скрипишь... – проворчал тесть. – Я все понимаю. Потому тебя и позвал. Даже если и сама она это сделала, то почему? Ты думал над этим?

– Думал, но я в последний раз видел ее, чуть ли не год назад. Много чего могло за это время случиться. Я в городе не сижу, да и Ксю меня особо не звала.

С моей стороны это был намек. Ксю не звала меня потому, что ей папа не велел. Папа, кстати, намек просек.

– Ладно, – повторил он. – Да, я знаю, ты обижен на меня за то, что я считаю тебя тунеядцем. Мужчина должен работать.

Тунеядец – это же вроде паразита. Он живет за счет других. Я же с шестнадцати лет себя обеспечиваю. Но я промолчал. Не буду с ним спорить, хоть пусть меня режет.

– Только я не знал, что так выйдет.

И тут до меня доперло: он кается! Он бы и рад все назад вернуть, да невозможно. И странное испытал я чувство: мне стало его жаль.

– Давайте мы об этом не будем, Алексей Анатольевич. А почему вы думаете, что Ксю убили?

Может, облегчение, а то и благодарность промелькнули в выцветших глазах тестя, только я этого не заметил. Он ведь отставной военный, дисциплина и самоконтроль – не пустые для него слова. Возможно, мне этого не понять.

– Да, тут такое дело. Сейчас объясню. Я на счет Ксении положил в свое время деньги. Ну, были у меня заначки с прошлых времен. Думал, пусть хранятся на ее сберкнижках, чтобы потом ей не вступать в наследство и прочее. Тут звонит мне управляющий банка, а он – сын моего друга. Друг умер, но Володя все равно меня не забывает. И говорит мне: дядя Леша, а чего это ваша дочь деньги со счета снимает? Может, ей обслуживание не нравится или где-то условия лучше предложили? Я говорю: не знаю причину. А, что – много снимает? Да, говорит

Володя, все. После этого разговора я сразу же звоню Ксении – почему, говорю, ты деньги сняла? А она мне отвечает: папа, я тебе все расскажу, но потом. И ночью она умерла. Думаю, она связалась с кем-то не тем.

Тесть подразумевал – она сама виновата.

– И денег у нее дома не нашли?

– Нет, денег не было. Я думал, может, тот, кто убил ее и украл эти проклятые деньги? Но милиция говорит – не было никого у нее в гостях. Сняли отпечатки пальцев в ее квартире, а там нет посторонних...

Он помолчал немного.

– Женя, тут еще одно... Ксения, вроде, нашла себе кого-то. Мужчину. Она сказала об этом, но кто он, чем занимается, что за человек такой – не сказала. Думаю, он ее убил. А отпечатки свои в ее квартире стер.

Мне эти сведения не очень понравились. Ну, да ладно. Я сказал:

– Она могла с ним встретиться и не дома, – подсказал я. – Ладно. Я понял. Мне нужны ключи от ее квартиры, адреса и телефоны ее друзей-подруг.

Тесть кивнул.

– Сколько денег у Ксю пропало?

– Пять миллионов рублей.

Достаточно, чтоб убить за такие деньги. Бедная Ксю.

– Алексей Анатольевич, а на работе у Ксю как дела обстояли?

Он сгорбился и развел руками:

– Да я и не знаю. Говорил же – совсем мало виделись.

– Может, она жаловалась – обидел ее кто? Она же дизайнер, может, клиенты какие ей мозги делали?

Старик задумался...

Катя

Маргарита задумалась.

Надо было как-то выпроводить ее из кабинета, чтобы посмотреть компьютер Артема, порыться в его почте. Дома я бы тоже могла это сделать, да только интернета у нас не было. Мы вместе так решили в свое время: дома мы только вместе, а работа остается на работе.

И у него и у меня это не слишком получалось. Мы все время трещали по телефонам и в итоге, каждый просиживал вечера у своего компьютера. Интернет остался последним бастионом. Если бы мы решили его подключить, то признали бы, что никакой семьи у нас так и не сложилось.

Да и какая семья без детей? Мы редко об этом говорили, потому что говорить было нечего. Мой муж не мог иметь детей, а я свалила дуру. Сначала была слишком занята своими делами, не задумываясь о том, что в жизни есть кое-что важнее бизнеса, путешествий и общения с друзьями. Лет пять назад я очнулась, поняла, что часики тикают, и стала предлагать мужу всякие хитрые способы завести ляльку, но он отнесся к моим идеям очень неприязненно. Думаю, Артем переживал свою репродукционную несостоятельность гораздо острее, чем я думала.

Неужели бесплодие довело Артема до самоубийства?

Мне даже жарко стало: куда я смотрела? О чем думала? И почему сразу не сообразила?

Это случилось в армии. После учебки Артема направили служить в Сибирь, а попал он в такую часть, где дедовщина была еще злее климата. Деды избивали молодых так часто, что они, порой, из госпиталя не выходили. А Артем еще и строптивый был. Потому его били еще чаще остальных. Он вернулся из армии, даже не зная, что с ним уже приключилась беда.

Выяснил он о себе все, когда его первая жена не смогла забеременеть. До меня он уже был недолго женат, на одной даме, но не на Маргарите, поэтому, когда мы встретились и стали наши отношения крепчать вплоть до брачных уз, он признался мне в своей тайне..

...К счастью Риту позвала офис-менеджер, тут же, я прыгнула за компьютер мужа. Артемовы пароли мне были известны. В смысле, они очень легко подобрались – это были даты моего рождения и моя девичья фамилия. Но ничего интересного для себя я не нарыла.

Нашла только один проект частного дома, которого не видела в его домашнем компьютере. Судя по датам, сам проект был сделан пять лет назад, а был ли построен – неизвестно.

Странно, что я никогда об этом доме не слышала. Если это был обычный “петергоф”, который строился для нашего местного олигарха, то это нормально. Такое мы не обсуждали – это неинтересно. Но увиденный мною проект был другим.

Дом был очень необычный – правильный куб со стеклянными стенами. Артем всегда любил стекло, прозрачность, много солнца в доме. Тут был именно такой вариант. Заказчицей была женщина по фамилии Кутузкина. А в почте я заметила их переписку. Скорее всего, строить дом по этому проекту начали не так давно.

Почитать? Господи, нет, не буду...

“Тема, приезжай!” – такой была тема письма Кутузкиной моему мужу. Даже я мужа Темой не называла.

Я кликнула мышью на строчку письма.

“Тема, я думаю, что нам опять надо встретиться. Приезжай скорее, тебя ждет большой сюрприз. Привет жене!”.

Тут я почувствовала, как пересохло в горле. Ощущение омерзения заставило закипеть кровь в моих венах: он говорил с чужой женщиной обо мне, они меня обсуждали, может, как-то шутили на мой счет. Боже, какая гадость! Не может быть, чтобы Артем...

– Катя, – голос Маргариты прозвучал опасно, будто она боялась меня спугнуть, как птицу. – Я хотела еще вот о чем поговорить...

– О чем?

Я быстро свернула документы на рабочем столе и обернулась к ней.

– Я хотела тебя пригласить кое-куда. Есть одна женщина, она гадает на кофе, на картах...

– Маргарита, давай попозже вернемся к этому вопросу, – ответила я.

Маргарита стояла возле рабочего стола Артема и смотрела на него, на меня, на все вокруг мокрыми глазами. Когда я выключила компьютер, она снова зарыдала. Как же мне не хотелось снова ее обнимать, утешать, говорить!.. Но если я сейчас поднимусь из-за стола, то придется.

Желая потянуть время, я стала перебирать папки на столе мужа. “Кутузкина” – прочитала я на одной из них. Открыла, увидела договор со всеми реквизитами и адресом. Адрес был странный – Шемякинский лес, 9. Да, у нас есть лес за городом. Наверное, там и участки поделены.

Я встала, надеясь обойти вдову номер два, но не удалось. Рита обвила меня своими мягкими руками. Самое страшное заключалось в том, что я рисковала разрыдаться с ней вместе. Не от горя, а от злости, обиды, разочарования.

Артем мне изменял!

– Маргарита, ну все уже, не плачьте, – уговаривала я, разглядывая пути бегства.

Через стекло, разделявшее общее помещение и кабинет Артема, я видела сотрудников фирмы. Они занимались своими делами, сидя за компьютерами, разговаривали о чем-то важном, архитектурном.

Открылась входная дверь, и в офис вошел человек со светлыми, коротко стриженными волосами. Он был одет в синие джинсы и темно-зеленую футболку. Чем-то посетитель напоминал спортсмена-легкоатлета или футболиста – подтянутый и расслабленный одновременно.

Он что-то спросил у секретаря, и она указала ему на наш кабинет. Наверное, заказчик, которому необходимо поговорить с ведущим архитектором фирмы. Сейчас это Маргарита.

Тем временем, тот самый ведущий архитектор немного просох. Я воспользовалась этим и, попрощавшись, выскочила из кабинета. При этом чуть не столкнулась с Футболистом, который намеревался войти в кабинет.

Он машинально, сквозь зубы, извинился.

Я пересекла офис, выбежала в коридор, вызвала лифт. Он был на первом этаже, а я – на восьмом. Это было невыносимо.

Джон

Это было невыносимо – оставаться в доме тестя хотя бы еще минуту.

И жаль его было, и зло брало. Позже я объясню, почему.

Само собой надо выяснить, куда денежки делись. Пять миллионов – не фиги воробьям крутить. Это целый дом или дорогая тачка. Я бы “Харлей” купил... да и то – вряд ли. Некоторые детские мечты можно оставить в детском возрасте. И “Харлей” тоже.

А дорогие тачки никогда не были для меня фетишем. Мне больше по вкусу бессонные ночи в автосервисе моего дружка Авдея. И чтоб потом получился такой “Козел”, как мой УАЗ. Вот еще лебедку к нему приторочу и буду готов к трофи-рейду. А для этого надо денег. А для этого надо поработать на Вась-вася. А для этого надо быстрее разобраться со смертью Ксю.

Но я уверен: то, что я разведаяю, не раскроет мне причин смерти Ксю. Тесть считает, что мужчина, с которым Ксю познакомилась, обокрал и убил ее. Но это не так. Обокрал – да. Ксю была идеальной жертвой для любого мало-мальски сообразительного афериста. Но убила себя она сама. Обмануть папу – а это ай-яй-яй. Это плохо, это непослушно, это не по-ксюшински!

Вы даже не представляете, как отец давил на нее! Когда Ксю рассказывала о своем детстве, я реально расстраивался. Особенно, если учесть, как “воспитывала” меня моя мама.

С трудом можно было поверить, например, в такую историю. Однажды в школе, когда ей было лет десять, на Ксю напали мальчики из старшего класса. Они отобрали у нее шапку, стали швырять ее друг другу через голову жертвы. Вырвали из рук портфель, высыпали все учебники – прямо в снег, в грязь, затоптали ботинками... Ксю плакала, ведь что она, пигалица, могла? А мимо шли прохожие и делали вид, что не замечают, как над девчушкой издеваются ублюдки.

Меня там не было! Я в те времена только и делал, что дрался! Иногда даже по поводу. А уж за девчонку вступиться – это было святое.

Мама меня не ругала. Она только говорила, что возмездие должно быть сопоставимо с преступлением. А мне и сейчас кажется, что иногда можно и превентивно врезать...

Ксю пришла домой, заливаясь слезами. А папа ей – сама виновата! Суши и чисти свои учебники, стирай одежду, переписывай все упражнения в новую тетрадь!

И так во всем. Получила ли двойку, поссорилась ли с подружкой, и даже если украли кошелек – ты сама во всем виновата!

Чувство вины у Ксю было переразвито до невероятности. Она боялась ошибиться, оказаться неправой, допустить промах. Боялась до такой степени, что предпочитала прятаться от жизни вместо того, чтобы радоваться ей.

Иногда из-за этого с ней было очень тяжело. Она боялась мне не понравиться, разочаровать. Она ловила мое настроение, как самый мощный радар на земле. И это меня вводило в ступор. Однажды, она призналась, что первый раз поцеловалась со мной из вежливости. Только потому, что побоялась обидеть отказом.

И как бы я не пытался ее перевоспитать, у меня ничего не выходило. Прошло немало времени, прежде чем я понял – человек, которого так прессинговали с пеленок, никогда не сможет быть как все. Но я и на это был согласен. Я уже полюбил Ксю.

В общем, к тестю я испытывал такое смешанное чувство, как ветеран войны к Сталину. Вроде бы в войне победили, но цена страшная! Вот и он – вроде вырастил дочку хорошим человеком, но с какими комплексами!

Вот только стоит ли мне тестю говорить, что это он виноват в смерти дочери?

...От тестя я поехал в офис одного архитектора, Шульгина. Тесть рассказал, что между ним и Ксю случился некий скандал. И потупил глазки. Алексей Анатольевич, кажется, был как-то замешан в том инциденте, но признаваться не собирался.

Услышав эту историю, я решил начать расследование с нее. Просто, чтобы отсеять эту историю и заняться поисками того таинственного мужика. Интуиция мне подсказывала, что найти его будет сложнее, чем кажется.

В офисе “Шульгин и К” я спросил их шефа. Секретарша сказала, что его нет, но есть заместитель и супруга Шульгина. Вон они, в том кабинете за стеклом.

Я глянул туда: светловолосая хрупкая молодая женщина в белых брюках утешала пышную даму в траурном черном платье. Та рыдала навзрыд.

– Что у вас произошло? – спросил я девушку.

Я сразу и не обратил внимания, что и у нее самой глаза красные.

– Артем Андреевич умер, – сказала она.

– Болел тяжело?

Девушка посмотрела на меня растеряно и ответила:

– Несчастный случай.

Уточнять я не стал, о чем после слегка сожалел.

Неудобный момент для разговора. Но я не собираюсь возвращаться сюда еще. У меня нет времени. И я направился к кабинету, где рыдала вдова. У стеклянной двери меня чуть не сбила с ног вторая женщина, блондинка.

Я только успел спросить у плачущей тетки, что она знает о скандале, который произошел между ее мужем и... как она сказала, что жена Шульгина – это та блондинка, что только что отсюда вышла. Уточнив ее имя, я выбежал к лифту, но разговора не получилось.

Дело в том, что иногда я не беру во внимание очевидные вещи. Привык с мужиками общаться. А у нас как? Лучше пережать, чем недожать... Екатерина Вячеславовна просто сбегала от меня. Тогда я решил извиниться. К тому же, она сказала такую странную вещь – о деньгах, которые вроде бы Шульгин заплатил Ксю.

Вдова архитектора уехала на лифте, я же побежал вниз пешком, по лестнице. Вскочил из здания, а она уже стояла у “зебры”. Ожидала зеленый свет и смотрела направо – на баннер фирмы своего мужа. А вот слева, прямо на красный свет, несясь автомобиль. И летел он целенаправленно на блондинку.

Я заорал:

– Екатерина Вячеславовна!..

Катя

– Екатерина Вячеславовна! – окликнул меня мужской голос.

Я обернулась. На лестничной площадке у офиса моего мужа стоял тот самый Футболист.

– Екатерина Вячеславовна, – повторил он, подходя ко мне ближе. – Я – муж Ксении Овсянниковой. Мне надо у вас кое-что уточнить. Ваш супруг в недавнее время имел неприятности с моей женой. Вы в курсе, какие деньги он получил от Ксении?

Из его слов я ничего не поняла, потому что понимать не собиралась. Рита рассказала о ссоре мужа с дизайнершей, но о деньгах речи не было.

Объясняться с Футболистом я не хотела, он источал скрытую агрессию.

– Это надо у вас спросить, – ответила я наобум. – Сколько денег вы взяли с моего мужа?

Тут двери лифта раскрылись, и я вскочила внутрь. Футболист попытался войти следом, но я быстро нажала на кнопку “1” и выставила вперед правую руку:

– Не смейте входить за мной в лифт.

Он послушался и в лифт не полез, зато всунул резиновый носок кеда – наверное сорок пятого размера! – между створок лифта, которые уже сдвигались. Мягко оттолкнувшись от грязного тапка этого проходимца, створки разъехались.

– За что Ксения Овсянникова заплатила вашему мужу пять миллионов?

– Уйдите к черту! – крикнула я и пнула его кроссовку носком своего мокасина.

Он убрал ногу, а во взгляде читалась неприкрытая угроза.

На улице мне стало легче.

Сейчас возьму такси и отправлюсь в Шемякинский лес. Удобнее всего было перейти дорогу и голосовать на остановке. И я остановилась у дорожного перехода.

Справа от меня, был баннер с рекламой архитектурно-проектной фирмы “Шульгин и К”. Глядя на рекламу, я думала об Артеме и мадам Кутузкиной. Откуда она узнала про моего Артема, стерва? Небось из такой же рекламы.

Я даже не прочитала писем Артема к ней – Рита помешала.

В голове шумело, кажется, сегодня я забыла поесть? Но ведь ничего не хочется. Хочется только забыться.

Я перевела взгляд на светофор и, убедившись, что мне светит зеленый, сделала шаг вперед. И вдруг кто-то схватил меня сзади, за локти...

Не успев даже ахнуть, я отлетела назад и оказалась на спине. Подо мной кто-то был, тот, кто и устроил это падение. Мимо пронеслась машина, и только после этого меня отпустили.

Вскочить на ноги мне не удалось, я лишь освободилась из рук напавшего на меня идиота. Надеюсь, он голову себе разбил, потому что я пребольно стукнулась затылком, и теперь мне казалось, будто я вижу окружающее пространство в разбитое зеркало. Я осталась сидеть на асфальте в надежде, что битое стекло опять сплавится воедино.

Удивительно, но никто даже не остановился поглазеть на рассевшуюся женщину, а, впрочем, людей вокруг почти и не было. Стайка студентов на противоположной стороне улицы уже удалялась от дороги, оборачиваясь и похихикивая, старушка, покачав головой, пошла по переходу на противоположную сторону.

Возле меня на корточках сидел Футболист.

– Вы не очень ушиблись? – спросил он, издеваясь.

– Вы спятили? – чувства начали возвращаться ко мне. И первое из них – злость: —Зачем вы на меня набросились?..

Тут я позорно расплакалась, хоть меньше всего на свете хотела этого сейчас, перед этим типом.

А он протянул мне руку:

– Вставайте, хватит сидеть. Вы что же, не заметили, что кто-то пытался сбить вас на машине? Не заметили, что машина на красный мимо нас проскочила? Я номер запомнил. У кого из ваших знакомых серый “Форд-сиerra”? Выпуска, примерно восемьдесят пятого года?

Зачем он врет? Чушь какая-то. Господи, пусть он оставит меня! Мой мир второй раз рухнул, мне больше верить не во что, я в отчаянии, а тут он!

Я оттолкнула его руку и самостоятельно встала. Мои белые брюки были в пыли, один мокасин улетел на три шага. О растрепанных волосах и мокром от слез лице и упоминать не стоило.

– Что вы несете? – сердито сказала я. – Отстаньте от меня, уйдите!

Подобрав мокасин, я отряхнулась. Моя сумка тоже валялась на тротуаре. Я ее подобрала и, вытирая грязными руками лицо, пошла прочь.

– Да стойте, вы! – крикнул мне вслед Футболист. – Вам в милицию надо идти! Давайте, я вас подвезу!

Я достала из сумки солнечные очки и пошла к остановке, делая вид, что не слышу его голоса.

Ему помощь психиатра нужна.

Джон

Ей помощь реальная нужна.

Я бы отвез ее в милицию и рассказал там, что случилось. Но она истеричка, а мне общение с такими бабами противопоказано.

Зазвонил мобильный – мама.

– Джонни, – только мама меня так называет. С самого моего раннего детства. – Забери меня...

– Хорошо, я уже на проспекте Менделеева.

Она отключилась. Мама лишних слов не любит, говорит только по делу. А и чего зря болтать? Я знал, что она на занятиях по этой их китайской гимнастике – у-шу, кажется.

Мама уже ждала меня возле клуба. Как всегда – ровно держа спинку, приподняв бровки и сделав губки бантиком. Это совершенно типические для мамы осанка и выражение лица. Я обратил внимание на эту ее манеру держаться почему-то только, став взрослым человеком. Когда ходил на ее лекции по истории Средних веков. Она стояла за кафедрой вот так же – прямо, как балерина и чуть-чуть собрав губы, словно для поцелуя. И ей это шло. Знаете, сколько моих сверстников пыталось стать мне папами? Море. Я б им тогда...

Подъезжая к ней, освещенной летим солнышком, я вспомнил, что месяц назад маме стукнуло семьдесят. А мне сорок. У нас дни рождения один за другим. И мама старше меня на тридцать лет.

Семьдесят. Не знаю, как насчет морщин – я их не вижу, но мама не стареет. Ведь, старость – это что? Это ослабление мозговой функции. А маме это не грозит. Она по-прежнему читает лекции в институте. Иногда я заезжаю за ней в институт и специально поднимаюсь наверх, в аудитории, чтобы послушать маму. И еще, чтобы посмотреть на разинутые от удивления рты ее студентов. Некоторые ее лекции завершаются аплодисментами. Сам слышал.

Мама всегда в курсе всех новостей, особенно когда дело касается международной политики. За выборами в США сами американцы не следят с таким энтузиазмом, как моя мама.

Еще она обязательно ввязывается во всякие уличные разборки. То есть, мама не промолчит, если в очереди за булочками к чаю, кто-то скажет нечто идущее в разрез с ее собственным мнением.

Средние века, которым она отдала пятьдесят лет жизни, заразили мою маму нетерпимостью. Особенно нетерпима она в вопросах религии. Это тоже связано с ее медиевистикой. Как известно, в Средние века церковь отличилась особым образом. Ребята в рясах дел натворили разных: и ввали, и мошенничали, и людей жгли. По мнению мамы, если бы бог существовал, он бы от выходок священников получил бы инфаркт и умер. Ну, а сейчас – это опять-таки ее мнение, а не мое – религия есть пережиток и мракобесие. Попы – это наркодиллеры, продающие опиум народу.

Переспорить ее по поводу религии, а также и по множеству других вопросов невозможно. Она профессор не только в научном смысле, но и по жизни. Лично я никогда не доставляю ей такой радости – прижать меня к стенке. Вот уж дудки.

Нет, старость на маме не отражается. С годами она только чуть отстраненнее стала. Другие старики, как я заметил по родителям Авдея, очень любят пообщаться. Их медом не корми

– дай поговорить. А моя мама – наоборот. Лишнего слова не добьешься. Иной раз, я думаю, что для нее надо выпустить персональный социальный ролик: “Позвоните сыну!”.

– Привет, – сказала мне мама, когда мой “Козел” остановился возле нее. Я уже опустил тент.

Поздоровавшись, мама и не подумала самостоятельно открывать для себя дверцу. Она подождала, пока я выйду и сделаю это для нее. И если вы думаете, что мою маму необходимо подсаживать в мою довольно высокую машину, то ошибаетесь. Она и сама ловко взбирается на высокое сидение УАЗа. Маме нравится, когда за ней ухаживают вежливые мужчины. А я – самый из них.

– Как дела? – спросила она небрежно, надевая солнечные очки.

О смерти Ксю я ей не говорил. Она пошла бы на похороны, расстроилась бы. Жену мою она любила.

Помню, перед свадьбой я сказал маме, что мои друзья считают нас с Ксю слишком разными людьми. Мол, долго мы вместе не протянем.

– Ну и что? – удивилась мама. – О нас с твоим отцом также говорили. И это не помешало нам с ним прожить два прекрасных месяца совместной жизни.

Это такой юморок у нее. А, может, она и не шутила?

По дороге домой я говорить с мамой на печальную тему не стал. Решил остаться у нее на обед и рассказать о Ксю в приватной обстановке.

– Джонни, ты что-то задумчивый, – сказала мама, убирая со стола посуду после обеда.

– Да, мам. Кое-что случилось.

И я все рассказал. Мама отреагировала как-то странно: включила телевизор и села смотреть новости.

Я уехал.

Катя

Я уехала с места происшествия на такси.

И всю дорогу до дома думала об этом ненормальном. Он сумасшедший, социопат, чокнутый. За свою половину, в смысле, за жену готов убить. Да еще и пытается врать прямо в глаза. Поверить в то, что он спас меня от автомобиля, водитель которого преднамеренно намеревался сбить меня насмерть прямо посередине города, я не могла. Скорее всего, этот псих решил меня напугать. Он хочет, чтобы я вернула им с женой пять миллионов? Если честно, после этой его выходки я бы ему отдала любые деньги – жизнь дороже. Только нет денег у меня.

Перед тем, как ехать в Шемякинский лес, я вернулась домой. Надо переодеться, умыться, перекусить и, самое главное, успокоиться. В душе, под струями горячей воды, я доплакала недоплаканное, а вместо еды покурила. Приняла несколько всяких разных таблеток – от головной боли, от мерзкого самочувствия. Сделала йодовую сетку на свежий синяк – подарок Футболиста. Синяк был уже темно-сиреневого цвета.

Постепенно мысли о Футболисте отошли на второй план. Их перебили воспоминания об Артеме. Разные воспоминания – хорошие и всякие. Но ни одно из них я не могла связать с сегодняшним своим открытием.

Мы познакомились, когда я была еще студенткой филологического факультета нашего педагогического института. Артем же к тому времени уже работал в каком-то государственном проектном бюро, он старше меня на пять лет.

У педа была сильная команда КВН и каждый семестр КВНовцы приглашали другие городские и негородские команды на турнир. Посмотреть КВН в педагогическом институте приходили не только студенты, а, наверное, полгорода.

Однажды мы с подружками пришли на игру, и я случайно села на место рядом с очень милым парнем по имени Артем. После КВН он и его друзья пригласил нашу компанию в кафе, потом мы оказались на дискотеке.

Простейший способ влюбиться в парня – потанцевать с ним под Scorpions. Вот так, просто и спокойно, у нас все и сложилось. После дискотеки он проводил меня домой, на следующий вечер мы пошли в кино, еще через несколько дней поцеловались в первый раз.

Сейчас, исследуя свои воспоминания сквозь призму Артемовой неверности, я вспомнила, что всегда считала лучшей чертой моего мужа его надежность. Он всегда был готов помочь, поддержать, бросить все и быть рядом. Поэтому ему можно было доверять, а доверие рождало взаимопонимание. Я всегда была откровенна с ним, и он, как я думала, ничего от меня не скрывал. А тут – такое...

Во всех моих воспоминаниях о муже было только одно темное пятно: наше отдаление в последний год его жизни. Мы перестали вместе решать семейные дела. Да и что решать? Квартира есть, ремонт делать не собирались. А детей нет. Получалось, что нас не связывали общие проблемы.

И общие радости – тоже. Когда в последний раз мы занимались любовью? Я не помню. Супружеский долг мы вообще выполняли не чаще раза в месяц, да и то как-то уж очень наско-ряк, вроде бы по необходимости. И оба делали вид, что все очень даже хорошо получилось, все довольны, удовлетворены и счастливы. Благодарный поцелуй после, и: ой, мне на завтрашнюю встречу надо кое-что подготовить! Разбежались к компьютерам.

А заниматься любовью – это совсем другое. Я еще не настолько старая, чтобы не помнить, о чем говорю. Так и было у нас с Артемом, пусть давно, пусть сумбурно и мы мало ценили это. Но раньше мы занимались любовью. Неужели же Артем завел себе кого-то, с кем он чувствовал то же, что и со мной когда-то давно?

А теперь, извинись перед теми подругами, которые сто раз говорили, что все мужики козлы! И тебе муж изменял, Катя. И тебе. А ты была слепая.

Придя к этому выводу, я решила, что ехать к Кутузкиной не надо. Зачем мне видеть женщину, которая увела у меня Артема? Я и так понимаю, что она моложе, лучше, веселее, внимательнее, сексуальнее меня.

Вместо этого я позвоню на работу, скажу коллективу, что завтра уже приду им командовать. Пусть все будут готовы к обстоятельной планерке, пусть каждый подготовит свои предложения и родит по десятку идей. Мы будем менять редакционное содержимое и дизайн журнала полностью. Что мне теперь остается в жизни? Правильно, девочки, работа.

Прикола ради, схожу к Ритиной гадалке. Спрошу ее, что ждет меня теперь – червонный король или казенный дом? Выпью с ней кофе, почувствую себя наивной женщиной. Раньше такими экспериментами не увлекалась, а видно зря. Кабы знала, что в сорок окажусь вдовой, да догадаюсь, наконец, что муж изменял, да детей не рожу, одна останусь куковать, то бросила бы потенциального мерзавца много лет назад.

– Маргарита Ивановна, – сказала я вдове номер два, решительно набрав ее номер телефона. – Пойдем к твоей ворожее!

Рита обрадовалась моему предложению, что-то там залопотала о необходимости заранее договориться и все такое, но я велела ей бросить все дела, выходить на остановку и ждать меня.

Я приехала за ней на такси, и мы направились к гадалке. Она жила прямо в самом центре города – на Николаевском бульваре.

На бульваре цвели каштаны, и я вспомнила, как мы с Артемом гуляли под ними много лет назад.

Джон

На Николаевском бульваре цвели каштаны, и Ксю, казалось, сидела в машине рядом со мной.

Дома я упал на матрас и уснул. Очнулся уже к вечеру. И решил, что надо провести друга своего, Авдея. А, спустившись вниз, увидел у своей машины Вась-вася.

Это был тот самый мужик, что время от времени дает мне работку, которая очень даже помогает сводить концы с концами. Догадываюсь, что дела Вась-вася не слишком одобряются УК РФ. Потому он и требует неразглашения, и платит нормально.

Не то, чтобы он был мне противен как-то особенно, но с ним надо было держаться осторожно. Интуиция и информация подсказывали, что Вась-вась товарищ нечистоплотный. Не в смысле гигиены.

Я с ним познакомился еще в те давние времена, когда занимался выборами. Примерно в 90-х. Мне это было интересно. Я писал речи кандидатам в Думу, в мэры, во все места, куда они, обжулив всех, хотели проникнуть, чтоб грабить дальше.

Мама спрашивала: тебе, мол, как – не противно? Они же все мошенники, малоразвитые мещане, воровитые недоумки. Работать на них – просто аморально. Но я к этим делам относился совсем по-другому. Это была суть того времени. Это был мой личный уникальный опыт. Время было такое, и я в него вписался, сумел поймать кайф. Сумел воспользоваться ситуацией себе на пользу. Я думаю, что это важно – уметь разворачивать ситуацию таким образом, чтобы обстоятельства служили тебе, как дрессированные пудели.

Это все пустой мачизм, – говорила мне мама.

А я все равно на квартиру заработал. До этого мы с Ксю снимали жилье.

Да, я о Вась-васе. Он тоже подвизался в этом деле – величал себя политтехнологом. Говорил, что учился предвыборным трюкам и за границей в предвыборных штабах работал. Вот только как он это делал, если не мог говорить ни на одном человеческом языке, включая, русский?

Когда Вась-вась впервые предложил подзаработать, я навел о нем справки. Спросил о нем у отца моего лучшего друга – Авдея. Тот был полковником милиции. Сейчас Борис Викторович уже умер, к сожалению.

Вот полковник Авдеев и рассказала мне всю правду про Вась-вася. Он был отставником. А пока носил мундир, служил в авиации. Однажды, в те времена, когда силы советской армии были подорваны самыми страшными видами оружия – воровством, жадностью и глупостью, старлей Василий Васильевич Ганжа попытался продать учебно-тренировочный самолет L-39 какому-то бандиту. Зачем бандиту самолет? Летать. Наверное, бандит хотел “Стеллс”, но пока не хватало денег.

Бандит приехал на аэродром и заявил, что перед покупкой хочет опробовать машину. Тест-драйв ему нужен был. Вась-вась сел за штурвал. А так как за пятнадцать лет службы в летном батальоне он налетал в лучшем случае часов двадцать, то добром тот полет не кончился. Поднять машину он еще смог. А вот посадить – никак. Но сам-то Вась-вась успел заранее сориентироваться и катапультировался, бросив покупателя в потерявшем управление самолете.

Летающая машина закрутилась в воздухе, вошла в штопор и врезалась острым носом в землю. Взрыв Вась-вась наблюдал сверху, кружась над местом катастрофы на парашюте.

После происшествия его арестовали. Судили, отправили в тюрьму. Он просидел лет пять, кажется. Обзавелся нужными связями. Борис Викторович утверждал, что его под крыло взял бандюган, конкурировавший с погибшим в L-39.

А со своей стороны, Вась-вась решил, что я ему пригожусь, после одного случая, когда на нашего кандидата было организовано самое настоящее покушение. Так получилось, что свою

охрану Гена Вареников, в тот вечер отпустил – он к бабе шел. Точнее, ехал на своей шикарной “Бехе”. А тут я в попутчики набился – мне от того дома, где жила Вареникова баба до своего дому – два двора пройти.

Сворачиваем на улочку, где та сильфида проживала, а нас уже ждут.

Вжжжж – иномарка дорогу перегородила, и со стороны водителя – вжжжж! Нас прижали.

Я тут же сообразил, что из одной машины будут стрелять и потому быстро открыл дверь и – кубарем! – выкатился из “Бехи”. Вареникова за собой тоже вытащил.

Две пули прошили дверцу водителя и просвистели, одна за другой над нашими головами. Стреляли из пистолета, я по звуку определил. Странно, что мы живы остались. Нам просто повезло.

От машины я пополз прочь, к стене, в какой-то подъезд. Вареникова толкал впереди себя. Не потому, что хотел своим телом прикрыть от пули нашего кандидата – надежду простых россиян. Мне было проще пинать его в спину, чем оборачиваться и тащить его за собой следом.

В подъезде мы поднялись до первого же лестничного пролета и, выбив стекло, высочили во двор дома. Там было высоковато, но Вареников со страху даже не заметил этого. А потом мы шуровали до дороги, где поймали попутку.

Блин, я чувствовал себя прекрасно!

На следующий день Вареников при всей нашей капелле рассказал о моем подвиге. Так я стал героем. Противно было только то, что, став депутатом, Вареников власть свою использовал не по назначению. Его любимым развлечением стало совращение малолеток. И все ему с рук сходило, пока он не изнасиловал дочь одного большого человека. Только тогда его посадили.

А я, узнав о подвигах этой сволочи, часто думал, что лучше бы нас двоих тогда расстреляли. Я бы все равно остался героем, но не случилось бы такой мерзости.

Сейчас Вась-вась занимался всякими разными делами, называя себя частным детективом.

– Привет, Клык, – сказал Вась-вась, ухмыляясь.

– Здоров, Вась-вась, – ответил я.

Он протянул мне руку, и я пожал ее.

– Чую, ждал ты меня, – мне хотелось, чтоб он уже сказал, что хочет, и сваливал.

Он согласился:

– Ну, да, ждал.

Достал какие-то фраерские черные сигареты, закурил. Всегда тянет время, чтобы выглядеть значительнее. Пока он прикуривал, я обошел его фигуру, прилипшую к водительской дверце моего “Козла”. Не боясь показаться слишком деликатным, открыл дверцу, сдвинув его с места, и вскочил на сидение.

– Есть дело, – процедил Вась-вась, посторонившись. – Надо одного мудака пропасти...

Я уехал от Вась-вася с неприятным, но необъяснимым ощущением.

Катя

Я уехала от гадалки с неприятным чувством осознания неизбежности... Неизбежности чего-то нехорошего. Может даже смерти. Я и раньше часто думала о смерти, но так, со стороны. Мне до нее еще жить и жить, так чего зря кваситься?

Но только сейчас, сегодня, сидя за круглым столом в комнате, будто восстановленной по старым фото послевоенных времен, я поняла: я умру.

Всего за несколько минут до этого мы с Ритой смеялись в такси над Футболистом. Я рассказала, пытаясь насмешить, как он свалил меня с ног и попытался запугать самым дешевым методом из всех возможных.

– Странный человек, – рассмеялась Ритка. – Я его только увидела, так сразу и поняла – придурок! Деньги, видать, ему нужны. Может, он наркоман?

Теперь мне было не смешно. Что, если он еще разок попытается напасть на меня?

Сама гадалка, Софья, была серьезной, спокойной женщиной лет тридцати. У нее было чуть удлиненное лицо, немного тяжеловатый подбородок и короткий точеный носик. Глаза у гадалки были темные, а волосы – светлые длинные и гладкие. Она была умеренно накрашена, одета в серое льняное платье и пахла каким-то модным ароматом.

Оказалось, мы приехали не вовремя. Софья этого не скрыла, но поглядев на меня, молча села за круглый стол, накрытый ажурной, явно связанной вручную из ниток под названием “Ирис”, скатертью. Скатерть была нежно-розового цвета, а узор на ней был соответствующий – розы. Я тоже пристроилась у стола и, глядя на розовые розы, вспомнила, что моя бабушка тоже когда-то очень хорошо вязала крючком.

В комнату заглянул черный кот. Прогулялся вокруг стола и ушел куда-то в коридор.

У Софьи в руках оказались карты.

– Снимите, – она протянула колоду.

– Я выйду на кухню, – сказала вдруг Маргарита, поднимаясь с дивана.

Если честно, я и сама бы ее об этом попросила, если бы относилась к гадалке серьезно. Но деликатность Риты меня приятно удивила.

Я посмотрела на Софью. Она задумчиво раскладывала карты и молчала.

– Да что там, со мной? – спросила я с усмешкой. – Говорите, не стесняйтесь. Самое страшное уже произошло, так что...

– Вы о смерти мужа? – спросила она. Видно, Рита заранее успела ей все рассказать обо мне.

– Ну да.

– Конечно, это большое горе...

Софья подняла на меня глаза, ее взгляд что-то говорил, но я не понимала.

– Катя... вас же Катя зовут? – я кивнула, пытаюсь вспомнить – называла ли вдова номер два мое имя? – Вы хотите все услышать или боитесь?

Пожав плечами, я сказала:

– Лучше все. Зачем иначе к вам приходите?

– Хорошо, – кивнула головой Софья, снова сосредоточившись на картах. – Лучше все знать, можно хоть как-то подготовиться.

– К чему?

– Вам выпадает такая ситуация – несчастный случай. Я не вижу, что именно. Три раза карты раскладывала, но не вижу. Видела дорогу, видела воду мутную... Разное. Понимаете?

– Не очень.

Она положила карты и переплела пальцы рук. Вид у гадалки был загадочный, что поначалу забавляло. Я пришла к ней развлекаться и слушать глупости, если честно, а она тут такой балаган разводит!

– Ладно, но вам надо быть осторожной. Несчастье следует за вами. Я понимаю, что вам сейчас трудно поверить в это, но вы будто под прицелом.

Вздыхнув, словно бы принимая ее пророчество, я задала тот самый вопрос, который меня волновал на самом деле:

– А мой муж, он изменял мне?

Софья откровенно задумалась и стала снова ворошить карты.

– Да, – сказала она. – Да, но это было другое. Он попал в руки нехорошей женщины, она его приворожила.

– Ей нужны были деньги? Мой муж в последнее время очень старался заработать.

– Да. Она только ради денег и прилипла к нему...

Потом она стала говорить еще что-то, а я будто провалилась в яму. Кажется – вот я, сижу тут, вот – мои колени, мои ладони, но кажется, что стул назад опрокидывается. И я остаюсь на месте. Возможно, это гипноз был? Не знаю, но впечатление падения назад, в пропасть, осталось надолго.

Из этого состояния меня вывел только ее вопрос – что утром случилось?

– На меня ненормальный утром набросился.

– А машина? – Софья пристально всматривалась в меня. – Была машина?

– Да нет, он просто сбил меня с ног и все. Ну, он сказал, что меня хотели на машине переехать, на сером “Форде-сиерра”, восемьдесят пятого года.

Софья опустила глаза, будто выключила рентген.

Вернувшись домой, я ощутила, что мне плохо: тошнило, мутило, кружилась голова. Но я ведь я целый день курила и ничего не ела! Пошла на кухню, соорудила себе бутерброд.

И снова закурила.

Джон

Я закурил, хоть Ксю бы этого не одобрила.

В квартире моей бывшей жены было тихо и чисто. Где и что мне искать? Решил начать с компьютера.

Прежде всего, я полез рассматривать фотки, слитые с ее фотоаппарата. С обычной мыльницы. А ведь я дарил ей зеркалку пару лет назад. Кажется, “Олимпус”. Полупрофессиональный фотоаппарат был нужен моей бывшей, чтобы снимать ее работы – готовые интерьеры. У хорошего дизайнера должно быть содержательное и качественное портфолио. Вот только пользоваться фотоаппаратом она не научилась. Побоялась.

Ксю искренне считала, что ничего не умеет и не может научиться. Я много раз убеждался, что на самом деле она вполне успешно осваивала все, что ей было необходимо, если предварительно забывала себе сказать: я дура и у меня ничего не выйдет. Одолела же она все эти дизайнерские программы!

Я рассматривал фото, сделанные Ксю примерно год назад. Она, оказывается, путешествовала по замкам Луары. Кажется, с подружкой. Да, это была подружка Ксю – Светка Рытченко. Надо бы с ней поговорить.

Рыская в компьютере бывшей жены, я все больше скисал. В почте – ничего интересного не нашлось. Переписка с заказчиками, с поставщиками отделочных материалов. Дружеско, мирно, по-деловому. Другьям, переехавшим в столицы или за границу: я работаю, особых новостей нет. Я-то понимал, каких новостей ждали от нее друзья. Вышла ли второй раз замуж, встречаешься ли с кем, может, ты, Ксения, беременна? От женщины репродуктивного возраста все ждут сообщений именно на эти темы. А тут у Ксю была пустота.

Вообще-то, моя бывшая супруга не была такой уж мышью. Если Ксю расслаблялась и забывала на время, что она сама во всем виновата, то могла здорово повеселиться. И повеселить. Я помню, как мы вдвоем ездили на море, в Крым. В машине, на пляже – мы смеялись так, что морды болели! А еще она умела рассказывать анекдоты. Редкий талант для женщины. И лучше всего получались у нее самые похабные анекдоты, с матюгами и разными мерзостями. Такая милая девочка и такие вещи говорит!.. Умора.

И начитанная она была, и в музыке шарил, да и просто имела свой взгляд на вещи. Опять-таки, если расслаблялась.

Порыскал я и в корзине, в удаленных письмах. Перелистал ее проекты. Работа, работа, работа. Да, жизнь Ксю, кажется, именно в этом и заключалась...

Вернулся к фотографиям.

Однако, вижу фотку парня! Отглаженный, чисто выбритый (я пощупал свою заросшую щетиной щеку) мужчина лет двадцати пяти, наверное. Лет на десять моложе Ксю. Умный взгляд, темные волосы. Стоит, опершись руками о каменный парапет на лестнице в парке Менделеева. Судя по всему, его снимала моя экс-супруга. И зачем?

Еще мне кажется, что я его где-то видел раньше. Лицо знакомое.

А вот – они оба, за столиком уличного кафе. Сидят, придвинув друг к другу стулья, прям пара семейная. Ксю снята в профиль – смотрит на этого кота влюбленными глазами. Как-то это мне против шерсти.

Джон – сказал я себе – перестань ревновать!

Как же мне этого парнягу найти? Я спрошу о нем у Светки Рытченко. Я вгляделся в его лицо. Заметил, что оно доброе. Может, оттого, что круглое, но не щекастое, не полное. Не слишком высокий лоб, зато высокие скулы, тяжеловатый подбородок. А в глазах что-то детское.

Приятный парень, признай это, Джонни, и засунь свои эмоции себе... подальше. Я достал флешку, которую привычно носил в качестве аксессуара, прицепленной к кольцу на ключах от квартиры. Скопировал эти две фотки.

Как же зовут нашего приятного парня? А вот это я узнаю у Рытовой.

– Света, привет. Это Джон.

– Джон?... – она говорила со мной так, будто нас с ней объединяли неповторимые общие воспоминания. Но это было объяснимо. Светка просто не знает, как себя вести – ей звонит бывший муж мертвой подруги. Он всегда был странный, но что ему сейчас может от меня понадобиться?

– Да, это я.

– Ну, привет, – голос Рытовой по-прежнему звучал с деланной радостью. – Рассказывай, как дела?

Катя

– Ладно, рассказывай, как дела?

Ненавижу эту ее манеру. Сидит с сытым видом перед телевизором, жует что-то и называет всем подряд, потому что не может минуты провести без трепа. Да, это моя мама. Она у меня вот такая. Моей маме уже долгие-долгие годы совсем нечего делать в жизни. Сорок лет замужем за моим папой – это сорок лет счастья. Не все выносят его столько. У некоторых особей, к величайшему моему сожалению, сносит мозг.

Что мне рассказать о моей маме? Она необыкновенно красивая женщина, несмотря на свои шестьдесят пять. Описать ее красоту невозможно, потому что она заключена ни в идеальных пропорциях лица, ни в цвете кожи, ни в глубине глаз.

Не раскроет секрета маминой красоты ее осиная талия, идеальные ноги и все прочее, что до сих пор заставляет даже молодых мужчин обращать на нее внимание. Ее тело – это только часть ее красоты. И тут вы подумаете, что искать красоту надо в душе моей мамы. И ошибетесь.

Нет, в ее душе вы тоже не обнаружите ничего, кроме звенящей пустоты. Кроме тщеславия, отстраненного любопытства, кроме неукротимого желания бесконечно отражаться во влюбленных в нее глазах.

Зато если вы найдете в себе достаточно терпения, чтобы наблюдать за ней долго, так долго, как наблюдала я, то вы разгадаете красоту женщины, родившей меня. Ее внешность удивительно, интригующе выразительна. В мамином арсенале сто различных жестов правой руки – для всех оттенков эмоций, пятьдесят видов улыбки – от насмешливого смеха до широкой улыбки Мисс Мира. Движения бровей, ресниц, пожатие плечами, позы в кресле или стоя. Она может отразить все, что чувствует. Но фишка в том, что отражать ей нечего.

Пустой душе весь этот интерфейс ни к чему. Тело просит душевный порыв, в холостую мигает сигнальными огнями – грусть, ирония, раздражение, влюбленность – но импульса от души все нет.

Иногда моя мама напоминает мне курицу, у которой отрубили голову, а она еще бежит по хозяйскому двору...

Никто не знает, что я все о ней знаю. Она тоже не знает, и не должна знать. Я лишь догадываюсь, что мой папа в курсе, ведь мы с ним похожи как два сапога пара. Только близких людей мы выбрали совсем разных. Может, папин опыт как-то отразился на мне? Я бы не смогла жить с человеком, который никогда не спросит: чем тебе помочь? С человеком, который знает только одно слово: хочу. Как малое дитя.

В качестве комплимента своей маме, я бы добавила ко всему вышесказанному, что она никогда не пытается изобразить из себя что-то иное, нежели то, чем она является на самом деле.

Люблю ли я свою маму? Это очень сложный вопрос. Пожалуй, я отказываюсь на него отвечать. Понимаете, она ведь ничего плохого мне никогда не желала и не делала. Она дала мне жизнь, она заботилась обо мне, хоть и не из любви, а потому, что так надо было делать. Но как же пусто было оставаться с ней вдвоем, как же пусто...

– Мамочка, что мне рассказывать? – я знаю, что мама спросила меня о тех тусовках, которые я должна была посетить за последнюю неделю. То есть за то время, когда мы не виделись. А виделись мы с мамой последний раз на похоронах моего мужа. – Ничего не происходит. На работу я не хожу, все светские мероприятия тоже пропускаю. Я еще в трауре.

– Да, Катенька, – выразительный голос мамы звучал вполне сочувственно, но я знала, что на самом деле это задумчивость: мама выбирала конфету из коробки. – М-м-м... ореховое пралине! Знаешь, я попросила папу привезти мне конфет ручной работы. Это что-то!

– Хорошо...

– Завтра я уезжаю в санаторий, – сообщила мама. – Мне надо спину подлечить.

– У тебя спина болит?

Мама стала рассказывать, что папа купил новые матрасы в их спальню, а они маминой спине – смерть... Про смерть моего мужа она снова забыла.

Прощавшись с мамой, я закурила. Даже кофе не хотелось, несмотря на то, что утром (а сейчас было ранее утро) я привыкла пить кофе. Ничего не хотелось.

Мой телефон затрендел где-то в сумке, висевшей на вешалке в прихожей. Я затушила окурок, вяло поднялась и направилась искать сумку.

– Алло?

– Здравствуйте, это Екатерина?

– Да.

– Это Аргинский, заказчик вашего мужа, – голос напоминал голос актера, который озвучивает шекспировских королей. – Я звоню, чтобы выразить вам свое сочувствие по поводу... Артем был прекрасным человеком. Я не смог приехать на похороны, но я очень уважаю его память.

Он помолчал. Я уже хотела его поблагодарить, а он продолжил:

– У нас был инцидент... Мне очень неприятно. Так уж вышло. Я не могу попросить прощения у Артема, поэтому прошу у вас.

– Простите, как ваше имя-отчество?..

– Василий Николаевич.

– Василий Николаевич, от имени мужа я принимаю ваши извинения. Только я не знаю, что случилось. Вы не могли бы объяснить?

– Хорошо... – я вспомнила, что заказчик с инцидентом – это, кажется, судья. А в той истории участвовала и жена этого психа, Футболиста. – Хорошо. Дело было так: Артем мне

дом построил. Отличный дом, мы с ним каждую деталь в нем продумали – где какая комната, как мебель расставим, ну, словом, все. Когда дом закончили строить, само собой предусматривалось, что и внутренней отделкой Артем заниматься будет. Он уже и бригаду привозил, рассчитывал с ними объемы работы, сроки. Что-то заказал из материалов – не знаю, что. Штукатурку какую-то. Там они уже с моей женой договаривались. Я как-то привез своих друзей в этот дом – показать. А Леша Щипунов – мой давний приятель – говорит, что пусть – этот, как его? – дизайн его дочка сделает. Ну, я с детства Ксюшу знаю, хорошая девочка. И я чего-то не подумал, что Артему-то это обидно будет... Ладно, говорю Леше, пусть твоя дочка делает этот, как его... А Артем очень обиделся! Просто взбеленился. Приехал в дом, когда мы с Ксенией там встретились и... Ох, он нам высказал! Ваш муж на язык больно уж... Ксения – плакать, я тоже расстроился. Не знал, что делать. Но, решил, ладно. С Артемом я полажу еще, мне для дочери тоже надо дом строить, она замуж выходит. А если я Леше скажу, что его дочке отказываю в работе – он мне не простит. Но теперь и это уже значения не имеет. А тут еще и с Артемом такое... Не мог же он из-за наших дел?..

– Нет, что вы! – вот и судья чувством вины мается. – Василий Николаевич, а денежных вопросов не возникало в ходе этого скандала?

– Нет, Артем только сказал, что на материалы потратился, а я ответил, что все ему компенсирую. Я, кстати, и компенсировал. Можете проверить – я перевел шестьдесят тысяч на счет фирмы Артема.

Мы попрощались с судьей.

Милый он человек, так извинился искренне. Выходит, инцидент с дизайном дома судьи исчерпан. Я и раньше не думала, что самоубийство Артема как-то связано с этим делом, а теперь точно знаю.

Ах, Артем, что же с тобой случилось?

Джон

Эх, Ксю, что же с тобой происходило?

Вот и лучшая твоя подруга ответов на мои вопросы не знает. Не знает, зачем ты сделала то, что сделала...

И в остальном разговор со Светкой оказался не слишком информативным. Она знала, что Ксю с кем-то встречается, но не видела его ни разу и ничего не знала о парне. Светка даже сказала, будто моя бывшая специально скрывала его от всех.

Итак: я найду этого круглолицего парня и... еще раз встречу с той истеричкой – Екатериной Вячеславовной. Тут у меня еще одна мысль родилась, требует подтверждения. Что за несчастный случай произошел с Шульгиным? Я как-то раньше не сопоставил тот факт, что архитектор и моя Ксю сцепились, а потом синхронно умерли. Что, если и он с собой покончил? И деньги, о которых упомянула Шульгина – она сказала, что были деньги, которые ее муж отдал Ксении.

...Тут позвонил Вась-вась. Он велел заступать на дежурство – начиналась моя работа.

Пока она была простая, ничего такого. Только последить за одним мужиком. За хозяином маленького мебельного производства, состоящего из одного цеха, офиса, склада и гаража с двумя машинами. Мужичонку надо было “пропасти”, как говорил Вась-вась. То есть, проследить – куда ходит, что подделывает, с кем встречается. Вась-вась объяснил, что эту работу он делает для жены объекта. Кстати, его звали Геннадием Горемыкиным.

К фирмочке Горемыкина я подкатил не на своем, бросающимся в глаза “Козле”, а на скромной старенькой “Тойоте” с тонированными стеклами. Ее мне предоставил Вась-вась.

Предприятие располагалось в промышленной части города, на выселках. Там у нас были всякие цехи, мастерские, автосервисы и прочие полезные маленькие производства. Офис Горе-

мыкина без комфорта расположился в одноэтажном наскоро построенном здании. Над входом красовалась яркая вывеска: “Мебель Горемыкина”.

Объект наш был описан Вась-васем на словах: невысокий, лысый. Ходит в голубых джинсах и жилетке со множеством карманов. У него в руках обычно кожаный рыжий портфель – дорогой и модный. На руке – крутые часы. Водит “Ленд Ровер”.

“Ровера” у офиса не было. Значит, он въехал во двор. Иначе меня бы предупредил Вась-вась. Я не один за мужиком следил. Нас двое или трое. Мы дежури́м по восемь часов, потом сменяемся.

Мне надо будет Вась-васю отчет накидать, а если получится, то и с фотками. Для этого нужна информация. И я за ней пошел. Конспирация не предусматривалась. Вряд ли Горемыкин ждет слежки, да и я вполне незаметный. Одет в обычные брюки от костюма и светлую рубашечку. Лицо у меня невыразительное, в остальном, тоже мало приметен. Идеальный шпион. Вася Пупкин.

Я вошел в офис Горемыкина и стал изображать из себя потенциального заказчика. Своего парня я идентифицировал по описанию. Он находился в офисе, разговаривал с каким-то жлобом. Жлоб чего-то хотел – то ли сроки выполнения заказа его не устраивали, то ли сорт дерева. Горемыкин ему уступал, соглашался, но жлоб все давил и давил. Разговор было плохо слышно, а тут еще менеджер трещал у меня над ухом – предлагал какие-то дурацкие наворочанные диванчики.

В итоге, жлоб подхватился, вскочил и довольно громко объявил, что он лучше к другому мебельщику поедет. Потому что тут работать не умеют. Все в офисе притихли – даже мой менеджер. Жлоб вышел, а Горемыкин расстроено закурил. Вид у него был жалкий.

Я покивал менеджеру, сказал, что мне подумать надо и вернулся в “Тойоту”. Минут через пятнадцать открылись ворота, “Ровер” выехал из двора. За рулем – я хорошо это разглядел – сидел Горемыкин. Запомнив время и пропустив его вперед метров на двадцать, я поехал следом.

Горемыкин остановился у здания новой гостиницы. Она еще не открылась, поэтому вряд ли он приехал сюда на встречу с соперницей своей жены. Скорее всего, договаривался о заказе. Я прогулялся внутрь, по пустым этажам, где еще сновали рабочие. Горемыкина засек в холле второго этажа у окна. Он вел душевную беседу о мебели с жуткой толстой бабищей. Видимо, это была хозяйка гостиницы.

Даже он не может с ней спать.

За холлом был поворот на лестницу и там я рассеяно задержался. В пустом помещении голоса Горемыкина и его собеседницы были слышны великолепно. Она отбрыкивалась от предложений моего парнишки, как дикий мустанг. Я снова пожалел Горемыкина. Вот, ведь, правда: как вы судно назовете, так оно и поплывет. А то – “Мебель Горемыкина”!

На часах было около четырех вечера.

Когда я выходил из гостиницы, “Ровер” Горемыкина уже покати́л по улице. Запрыгнув в “Тойоту”, я двинулся следом за ним. Как выяснилось, мебельщик решил утопить свою печаль по поводу несостоявшихся заказов в вине. То есть, в пиве. Он остановился возле низкопробной забегаловки и остался там на шесть часов.

Из забегаловки мужик поехал домой на такси. Надо сказать, отчаянно был пьян. А дома его ждал сюрприз.

Горемыкин вышел из машины у частного дома в нашей Санта-Барбаре, и тут же перед ним распахнулась калитка. Из нее вышла расфуфыренная мамзелька с двумя чемоданами. Выглядела она лет на восемнадцать, а гардеробчик шпионерила у Бритни Спирс. Она что-то заявила объекту сердито, а он попробовал в ответ возмутиться. Мамзелька заорала: все, ухожу! Открыла дверцу припаркованного тут же “Лексуса”, впи́хнула внутрь салона свои пожитки,

села за руль и укатила. Каким-то местом я почуял, что в “Лексусе” убыла герцогиня Горемыкина.

Бедный Горемыкин взвизгнул ей вслед: “Сука!”. И пошел в дом.

Странно, решил я. Нас, вроде, жена Горемыкина наняла? Почему же она, в таком случае, ушла от мужа, не дождавшись результатов расследования от Вась-вася? Либо он ее довел до крайности, либо... Либо это была не та жена. Однако, если это бывшая, то ей выслеживать мебельщика уже поздно. Либо, что тоже могло быть, Вась-вась мне соврал. Мы не на жену работаем. Но я все равно опишу эту нежную сцену в своем отчете.

В зеркале заднего вида я отразились фары машины. Это приехал мой сменщик. Дежурство закончилось.

На часах было десять тридцать вечера.

Катя

На часах было десять тридцать утра.

За окном уже расцвело восхитительное летнее утро – с шелестом листьев, с солнечными лучами, которые весело заглядывают в окно, со звуками почти большого города. Я вышла на балкон, достала сигареты и поймала себя на очень банальной мысли: ничего не изменилось в мире после смерти Артема. Ровным счетом ничего. Только я изменилась.

Мы... я живу на третьем этаже. Кстати, проект этого дома сделал десять лет назад мой муж.

Докурив, я направилась в ванную. Пора ехать к Кутузкиной, потому что лучше хоть что-нибудь делать, чем ничего. И лучше знать все до самого конца, чем теряться в догадках. Пусть она мне расскажет, что между ними было? А, вдруг, она сможет открыть мне глаза на причину смерти Артема?

Приняв душ, съев бутерброд из черствого хлеба и куска сыра, с которого пришлось срезать непредусмотренную ГОСТом плесень, я вышла из дома. Ехать решено было на машине, на моем “Жуке”, который уже неделю тосковал в подземном гараже.

Вспомнив о пророчестве гадалки, я подумала, что лучшее место для несчастного случая – подземный гараж. Особенно, если учесть, что за мной охотится сумасшедший. Но что делать-то? Я же не могу запереться дома и не высовываться из квартиры до конца жизни. А несчастные случаи дома тоже случаются: можно газом отравиться, удар током получить, из окна выпасть.

Словом, я спустилась в подземный этаж и села за руль своего “Фольксваген-жука”.

У меня очень маленькая и очень хорошенькая машинка. Она легкая, нежно-голубая, радует глаз и ею приятно управлять. Как сказал однажды Артем – водить “Жука” все равно, что гладить кошку. Артем мне выбирал машину, он заботился о “Жуке”.

В районе полудня улица у моего дома всегда очень пустынна. Все уже разъехались по делам, дорогу освободили. Почти так же свободна и спокойна объездная, пересекающая нашу улицу. Вообще, мы, жители этого района, объездную боимся – там так и шпарят непрерывным потоком самосвалы и всякий тяжелый транспорт. Но не сегодня.

И людей на улице не так уж много. Хорошо – тепло, светло, на пирамидальных тополях поют птички. Неприятные сюрпризы не ожидалось.

Зато сюрпризы сами меня ожидали: у подъезда стоял, опершись задом о переднее крыло оттюнингованного до невероятности и крашенного под камуфляж УАЗа-кабриолета, Футболист. Да, такая машина отлично подходила сумасшедшему. Машина без крыши и хозяин – тоже.

Я выезжала из гаража метрах в пяти от его поджарой фигуры, очень надеясь, что, через свои черные очки-капли, псих меня не разглядит. Какой там!..

Он увидел меня, встрепнулся и замахал руками, но я не собиралась останавливаться. Тогда Футболист выскочил на дорогу и стал посередине нее так, что мне уже и свернуть было некуда. Я не тормозила, надеясь, что ненормальный отступится. Держала марку и скорость до последней секунды, а остановилась только когда бампер моего “Жучка” оказался в непосредственной близости от штанов Футболиста.

Он поднял руки, словно хотел сказать с досадой: ну, ты даешь!

– Что вам надо? – крикнула я ему, опустив боковое стекло.

– Здравствуйте, – сказал он, подскочив в один прыжок к дверце. Он улыбался, отчего мне было жутко. – Я должен узнать – как погиб ваш муж?

– Да зачем вам?

– Понимаете, я думаю... Слушайте, что вы на меня так смотрите? Давайте я вам все расскажу. Можно, я сяду к вам в машину?

– Нет!

– Ну, тогда припаркуйтесь, мы поговорим.

Я хотела поднять стекло и удрать, но он снова отошел к капоту и опустил на него ладони. В стеклах его очков я угадывала контур лобового стекла и даже мое, очень маленькое, лицо. Было ясно, что настроен он крайне решительно.

Кивнув в знак согласия, я поставила “Жучка” за УАЗом и вышла из машины.

– Спасибо, Екатерина Вячеславовна! Мне надо знать, как погиб ваш муж.

– Он покончил с собой.

– Как?

– Перерезал вены, – еле смогла это произнести.

– В горячей ванне?

Я кивнула.

– Почему?

– Не знаю. Никто не знает.

Вид у Футболиста был, мягко говоря, удивленный. Он поднес к губам сложенную в кулак левую руку и закусил крупными и явно острыми передними зубами кожу на указательном пальце. Тянет руки в рот, как младенец!

– Все, мне пора, – сказала я. – Я не могу с вами разговаривать.

– А деньги? – задал он следующий вопрос, отпустив палец, на котором остались следы его зубов. – У него в доме была большая сумма наличных?

– Нет. Откуда?

– И денежных вопросов ваш супруг с Ксенией Овсянниковой не решал?

– Нет, – после разговора с судьей, я точно знала это.

Футболист пожал плечами, словно вдруг раздумав со мной говорить. Я села за руль, а он, кивнув на прощание, пошел в свою машину. Мы тронулись почти в одно и то же время, и я заметила, что УАЗ разогнался очень быстро, наверное, двигатель у него был дизельный. Это мне когда-то тоже Артем рассказывал – про дизели.

Подъезжая к объездной, я осмотрелась – по-прежнему, никого. Тогда я поднажала на педаль газа, надеясь быстрее миновать опасный перекресток, чтобы потом технично избавиться от машины психа и укатить от него подальше. Думаю, скорость у меня была около шестидесяти километров в час. Только мой план неожиданно провалился. Зад УАЗа вдруг вырос перед капотом “Жука”...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.